

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.24>

UDC 94«11/13»:645.499

LBC 63.3(0)4-91

Submitted: 01.07.2021

Accepted: 24.12.2021

THE TENT IN THE CONTEXT OF THE BYZANTINE POWER SYMBOLISM IN THE 10th–12th CENTURIES

Evgeny V. Stelnik

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The tent (σκηνή, τέντα) was a simple and everyday object of Byzantine life. Diplomats, merchants, pilgrims, soldiers, travelers, and simply wanderers spent a considerable part of their lives in a tent. It was a natural element of the Byzantine landscape, and geographical mobility was an important part of the lifestyle of the Byzantine elite and its psychology. But this simple, everyday thing in a certain context took on an extremely important meaning and turned into an important religious and social symbol. A simple object could indicate complicated social and ideological constructions of the 10th–12th centuries. The task of the study is to reveal the implicit power context which in certain cases endowed simple everyday objects (like a tent) with an extremely important meaning. *Methods.* The article is written in the general context of structuralist methodologies. We regarded the tent as a simple sign indicating the complex representations that lie behind its content. Structuralist methods allow for a correct reconstruction of Byzantine everyday representations in different strata of society. *Analysis and Results.* The rich tent in Byzantine society of the 10th–12th centuries was not just a part of the daily military life of the aristocracy, but also an important element of power relations. Tents defined the social status of their owners, emphasized their power and importance. Aristocratic tents of that time were a space where power decisions were made and court life took place. The tent as a power symbol relied on a broad religious context. The Tabernacle of Moses, which was the model for every tent in the Byzantine Empire, was also created by the Lord's will, with Moses himself acting as "royal scribe". The folkloric tent of Charos in the Acritic songs turns out to be the center of the "lower" world in which Charos ruthlessly reigns. Behind each reading of the symbolic meaning of the tent lie different social practices of different groups of Byzantine society, but they are all filled with their own understanding of the essence of power.

Key words: power, aristocracy, war, tent, tabernacle, cosmology, Charos, death.

Citation. Stelnik E.V. The Tent in the Context of the Byzantine Power Symbolism in the 10th–12th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 331-338. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.24>

УДК 94«11/13»:645.499

ББК 63.3(0)4-91

Дата поступления статьи: 01.07.2021

Дата принятия статьи: 24.12.2021

ПАЛАТКА В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ СИМВОЛИКИ ВЛАСТИ X–XII ВЕКОВ

Евгений Викторович Стельник

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Палатка (σκηνή, τέντα) – простой и повседневный предмет византийского быта. Но эта простая, бытовая вещь в определенном контексте приобретала исключительно важное значение и превращалась в важный религиозный и социальный символ. Простой предмет мог указывать на непростые социальные и идеологические конструкции X–XII веков. Палатки определяли социальный статус своих владельцев, подчеркивали их силу и значимость. Aristократические палатки этого времени были пространством, где принимались властные решения и проходила придворная жизнь. Палатка как властный символ опиралась на широкий религиозный контекст. В официальном православии и неофициальных «народных» представлениях она оказывалась в центре мироздания или определяла мир вокруг себя. За каждым прочтением символического смысла палатки лежат разные социальные практики разных групп византийского общества, но все они наполнены своим пониманием существа власти.

Ключевые слова: власть, аристократия, война, палатка, скиния, космология, Харос, смерть.

Цитирование. Стельник Е. В. Палатка в контексте византийской символики власти X–XII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 6. – С. 331–338. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.24>

Введение. Палатка (σκηνή, τέντα) – простой и повседневный предмет византийского быта. Дипломаты, торговцы, паломники, солдаты, путешественники и просто скитальцы проводили в палатке значительную часть своей жизни. Она была естественным элементом византийского пейзажа, а географическая мобильность являлась важной частью образа жизни византийской элиты и ее психологии [25, p. 9].

Но эта простая, бытовая вещь в определенном контексте приобретала исключительно важное значение и превращалась в важный религиозный и социальный символ. Простой предмет мог указывать на непростые социальные и идеологические конструкции X–XII веков.

Задачей исследования является раскрытие неявного властного контекста, который в определенных случаях наделял простые повседневные предметы (вроде палатки) исключительно важным смыслом.

Методы. Статья написана в общем контексте структуралистских методологий. Палатка рассматривалась нами как простой знак, указывающий на сложные представления, которые скрываются за своим содержанием. Структуралистские методы позволяют произвести корректную реконструкцию византийских повседневных представлений в различных стратах общества. Во многом примером для этой работы была статья М.А. Бойцова «Папский зонтик, бог Гелиос и судьбы России» [1, с. 99–154].

Анализ. Палатка являлась важнейшим элементом византийского религиозного сознания. Она – естественный и очень древний космологический образ мира, когда само небо воспринимается как голубая палатка или шатер [18, p. 66; 11, p. 214; 21, p. 10; 34, p. 98, 105]. В такой палатке живет властное божество. Ее установка аналогична сотворению мира и является религиозным ритуалом [34, p. 114]. В этом смысле палатка императора повторяет «небесную палатку» [23, p. 140; 32, p. 105].

На интеллектуальном, богословском уровне ключевое значение в символическом прочтении палатки/шатра имела скиния Моисея. Показательно, как подробно и обстоя-

тельно описывается скиния в книге Исхода. Ей посвящены 13 глав, 407 стихов второй половины этой книги. Для сравнения храму Соломона посвящены 94 стиха, а Второму храму – 54. Такое внимание автора к скинии не случайно. Скиния – это символическое пространство, специально организованное, обособленное и упорядоченное [20, p. 144]. Скиния, в которой обитает Бог израильского народа, по мнению М. Джорджа, создает социальное пространство, организует израильское общество под властью авторов священных текстов [20, p. 193].

Христианские авторы, исходя из иных социальных практик, по-своему интерпретировали палатку. Так, Филон Александрийский (25 г. до н. э. – 50 г. н. э.) видел в скинии модель мира и образец творения [10, p. 102]. Шатер у него трактуется как царство разума (νοῦτά), тогда как пространство перед шатром, состоящее из неба, земли и моря – царство чувств [30, p. 489].

Ориген (185–254 гг.) крайне подробно описал скинию и дал символическое толкование каждому из ее элементов. Столбы, перекладины, основания, навершие, капители, канаты и материалы, из которых они были сделаны (золото, серебро, медь, нетленное дерево, лен) – все получило свое символическое объяснение. Скиния у него – это модель для организации Церкви и христианской общины, во главе которой обязаны стоять учителя и епископы, «столбы» на которых все держатся [29, p. 339].

Григорий Нисский (335–394 гг.) развил учение о скинии. Христос у него – скиния, а не ее часть [10, p. 107]. Христос все охватывает, все находится под его опекой.

У Григория большое значение приобретают слои и покровы скинии. Три, четыре или даже десять слоев шатра различаются цветами (голубой, пурпурный, красный). Более темные цвета находятся в глубине, эти цвета более сокровенны. Красный цвет у него – это спасительная страсть, которая усмиряет похоть.

Примечательно, что у Григория Нисского скиния имеет не только космологический, но и антропологический характер. По его мнению,

человеческое тело подобно палатке [10, р. 85]. Оно не прочно, не имеет основания и легко разрушается. Подобный образ можно обнаружить в стихотворении Манганея Продрома (XI–XII вв.), описывающего разбросанные по полю палатки, которые устанавливают вновь и вновь. Тело человеческое временно, шатер человеческого тела изменчив [6, р. 13]. Спасение возможно только в «истинном Шатре», в Церкви, которая, по словам апостола Павла, состоит из тел и плоти христиан [19, р. 50].

В богословии скиния – это широкое поле для герменевтики, которой могут заниматься только прекрасно образованные интеллектуалы. Такая герменевтика – эта манифестация интеллектуальной власти.

Палатка важная часть повседневной военной жизни византийцев. Римская прямоугольная палатка в византийской армии уже не использовалась. Ей на смену пришла круглая палатка с конической крышей, держащейся на одном, центральном столбе [13, р. 45]. В ней обычно проживало 8 стратиотов. Военные командиры могли размещаться в небольших треугольных палатках иногда даже со своей мебелью [13, р. 62; 14, р. 22].

Палатка – важная часть повседневной жизни аристократии комниновского времени. В палатках (аварских или турецких) аристократы жили во время постоянных военных кампаний. Сама полевая жизнь в палатке (а не под крышей дома), по словам Никиты Хониата, превращала гражданских, обычных людей в опытных воинов [28, р. 133].

Расстановка палаток – серьезный вопрос в трактатах Маврикия [3, с. 70, 163, 172] и Льва VI [5, р. 182, 183, 253, 266]. Ведь организация палаточного лагеря – это отражение сложной византийской военной иерархии и порядка. Ближе к центру военного лагеря, естественно, располагаются палатки наделенных властью командиров, а на периферии – подчиненных. Народы, которые ставят свои палатки «беспорядочно» и «разбросанно», то есть те, в которых царит безвластие, должны легко побеждаться организованным волей императора ромейским войском [5, с. 253].

Палатка, кроме всех своих бытовых качеств, еще и отражение социального статуса своего владельца. Она, по словам Маврикия, должна быть «нарядной» [3, с. 70]. Большая

богато украшенная палатка подчеркивает состоятельность и удачливость своего хозяина. Между аристократами шло постоянное соревнование, чья палатка смотрится лучше [27, р. 502–503]. Палатки могли быть из «красной кожи» [27, р. 486], из «алого материала» [27, р. 503], разноцветными и пестрыми или «чисто черного цвета» [27, р. 502]. Императору полагалась, естественно, пурпурная палатка, которую Псевдо-Кодин называл κόρτη [22, р. 114; 8, р. 280].

Образцом идеальной палатки является палатка Дигениса Акрита. Она была «большой и превосходной»: расшитой золотом, с изображениями всевозможных зверей. Шесты этой палатки были из серебра, а канаты из чистого шелка [2, с. 68]. Дигенис Акрит – безусловный образец для аристократии этого времени, не случайно Мануил I (1118–1180 гг.), внук Алексея I Комнина, называл себя вторым Дигенисом [7, р. 8]. Важно обратить внимание, что Дигенис, о котором здесь идет речь, – это вовсе не романтический персонаж Гроттофератской версии поэмы (XIV в.), а фольклорный суровый герой акритских и апелатских песен (IX–XII вв.), который бросает вызов смерти в лице Хароса и проигрывает. Этот фольклорный Дигенис Акрит отличался удивительными подвигами и полным игнорированием христианской морали. Но в X–XI вв. именно Дигенис стал идеалом аристократической силы и доблести [15, р. 56]. Не случайно в Эскуриальской версии поэмы отдельно указывается, что слушают поэму архонты [4, с. 157].

Другим примером аристократической палатки является палатка севастократиссы Ирины, в которой она перезимовала (в конце 1140-х или начале 1150-х гг.) в военном лагере вместе с Мануилом Комниным. Анонимный автор, названный Дж. Андерсенем и М. Джеффрис, Манганей Продромом (XI–XII вв.) описал эту богатую палатку в своих стихах. Палатка была украшена изображениями (вышитыми?) муз, nereид, купидонов, играющих на кифаре, резвящихся сатиров. На верху палатки были изображены золотые птицы из Индии [6, р. 12]. Сама севастократисса в этих стихах названа «акрополем красоты». Изошренная риторика художественных образов еще раз подчеркивала богатство и исключительность этой палатки/шатра.

В этом контексте палатка еще и элемент государственной жизни этого времени. В них живут дипломаты и послы [27, р. 489]. Палатка – важный элемент придворной жизни [26, р. 122]. Это своеобразный «передвижной дворец» [27, р. 499], выполняющий важные церемониальные функции. Палатка – место, где живут властные люди и принимаются властные решения.

Богато украшенная, большая палатка – один из ключевых атрибутов византийской власти. Такая палатка совсем не предмет первой необходимости, роскошная палатка, говоря современным языком, – это элемент элитного сверхпотребления аристократического «класса». Такая палатка, очевидно, подчеркивает власть и превосходство своего обладателя.

За пределами рафинированного богословия в среде военной аристократии в IX–XII веках сформировался совершенно иной образ мира, основанный на совершенно иных социальных практиках, в центре которых лежит насилие, носящее сакральный характер. Это прямо относится к палатке Хароса, как ее описывают акритские песни IX–XII веков.

Палатка Хароса – это тоже космологическая модель, но модель архаичного мировоззрения, в центре которого находится «нижний» загробный мир и его владелец Харос.

О. Вазер [33, с. 103] и Дж. Лоусон [24, р. 105], описывая палатку Хароса, принимали ее за буквальные и предметные представления «простого» и необразованного народа, неспособного на абстрактные конструкции. На наш взгляд, эта палатка – ничто иное, как концепция власти, выраженная в акритских песнях, сформировавших ценности военного класса Византии, явно и напрямую.

В акритских песнях Харос нападает словно завоеватель, который стремится подчинить себе всех людей [31, р. 301]. Его цель – обложить «чрезмерными налогами» («с каждого дома по человеку, с каждой горы по солдату») [31, р. 308]. Харос прекрасно вооружен, и его боевой конь внушает страх. У него есть палатка.

Когда акрит видит палатку Хароса, то испытывает ужас, сам ее вид бросает бесстрашного воина в дрожь [36, ст. 304, 308]. В песнях подробно описывается устройство

палатки Хароса. Так, опоры палатки сделаны Харосом из рук отважных богатырей, канаты и узлы палатки сплетены им из косичек красивых (русых) «влюбленных девушек». В палатке полно сундуков, и все они сделаны из голов маленьких детей, которых Харос безжалостно забрал у «плачущих матерей» [36, ст. 304, 308].

Описание палатки Хароса параллельно описанию небесной скинии, как ее представлял апостол Павел. В акритских песнях скиния осмысливается в архаичных категориях, которые не предполагают ни спасения, ни преобразования «пневмой». Палатка Хароса оказывается «нижним», загробным миром (а не небесами, как скиния).

Именно в палатку Харос тащит, крепко схватив за волосы, своих многочисленных жертв [36, ст. 304, 308]. Важно обратить внимание, что пока акрит не видит палатку, он молит о пощаде и надеется спастись, но как только он замечает «ужасную всех» палатку [36, ст. 304], он понимает, что судьба его решена и неизбежна. Интересно, что иногда Хароса у палатки встречает его жена Харонтисса, которая ждет мужа с «добычей».

Чтобы войти в палатку, нужно «согнуться» [36, ст. 308]. В глубине палатки Харос перерезает горло акритам, смельчакам и героям, чтобы выпустить душу [36, ст. 306]¹. Иногда Харос «просто» вытаскивает душу изо рта в глубине палатки [36, ст. 308].

Показательно в акритских песнях представлена цветовая символика этой палатки. Снаружи палатка Хароса может быть зеленого цвета, а может быть и красного, но внутри всегда – черного [36, ст. 308].

Вероятно, зеленый цвет говорит о растительном характере византийского фольклорного загробного мира. Неслучайно, в некоторых акритских песнях Харос создает целый сад, дети в котором – это прихотливые и нежные цветочки [35, ст. 222], юноши – стройные кипарисы, девушки – лимонные деревья [36, ст. 294, 295, 299], а старики – сухие, негнущиеся ветки ограды сада [36, ст. 294, 295, 299].

Красный цвет палатки, вероятно, – это цвет человеческой крови [9, р. 71]², которую обильно проливает Харос [17, р. 219]. Дигенис, борясь с Харосом, просто истекает кровью [36, ст. 306, 308]. Этой кровью Харос может поме-

тять не только родственников Дигениса, но и даже стены/потолки его дома [17, р. 224].

Показательно, что в песне «Вести из Аида» описывается ласточка, прилетевшая «наверх» из нижнего мира: так, ее когти были красного цвета – «от человеческой крови», а крылья – черного из-за цвета земли [36, с. 292].

Черный цвет шатра – безусловно, цвет «черной земли», ее темнота и мрак. В фольклорных византийских представлениях «черная Земля» [16, S. 33] (Μαυρηγή) [37, с. 36] забирает обратно «своих детей», а покойники – ее дети [12, р. 127].

Несмотря на всю архаику, акритские песни демонстрируют определенную эволюцию представлений о Харосе. В некоторых песнях появляется дворец Хароса (παλάτια) [35, с. 240], вокруг него летают птицы и узнают вести нижнего мира. В одной из новогреческих песен этот дворец называется уже βαράγια [35, с. 241], точно так же, как и дворец турецкого султана в Константинополе. Перед нами зло уже не архаического порядка, выраженное в простой конструкции палатки, а целая концепция власти, когда Харос принимает на себя атрибуты власти завоевателей.

Византийский образ Хароса является отражением жестоких средневековых военных практик. Палатка Хароса – это модель фольклорного византийского загробного мира, со своей хтонической топологией и символикой. В предельном смысле палатка Хароса выражает неотвратимую власть смерти. Средневековая система власти основывается на нелимитированном физическом насилии и сакральных символах, в том числе и архаичных, таких как Харос и его палатка. В конечном счете власть – это ничто иное, как распоряжение жизнью и смертью. Дигенис Акрит, образец аристократической доблести и обладатель роскошной палатки, погибает при встрече с Харосом и переселяется в его красно-черную палатку. Перед властью смерти все равны.

Выводы. Богатая палатка в византийском обществе XI–XII вв. была не просто частью повседневной военной жизни аристократии, но и важным элементом властных отношений. Палатки определяли социальный статус своих владельцев, подчеркивали их силу и значимость. Аристократические палатки

этого времени были пространством, где принимались властные решения и проходила придворная жизнь. Палатка как властный символ опиралась на широкий религиозный контекст. Скиния Моисея, которая была образцом для каждого шатра в Византийской империи, была также создана по волевоу решению Господа, а сам Моисей выполнял при этом функцию «царского писца». Фольклорная палатка Хароса в акритских песнях оказывается центром «нижнего» мира, в котором безжалостно властвует Харос.

За каждым прочтением символического смысла палатки лежат разные социальные практики разных групп византийского общества, но все они наполнены своим пониманием существа власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь можно вспомнить этрусско-римского Хару и его подземную (под ареной) комнату Сполариум, в которой он окончательно перерезает горло раненому гладиатору. В акритских песнях меняется обстановка, но схема ритуальной смерти остается прежней.

² Погибшего Адониса ритуально накрывали темно-красным покровом. Красное – кровь, черное – земля, цвета отражают процесс перехода на тот свет. Важно, что после этого он превратился в цветок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойцов, М. А. Папский зонтик, бог Гелиос и судьбы России / М. А. Бойцов // Казус : Индивидуальное и уникальное в истории. – 2004. – Вып. 6. – С. 99–154.
2. Дигенис Акрит. Византийская эпическая поэма / пер., ст. и коммент. А. Я. Сыркина. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 219 с.
3. Стратегикон Маврикия / изд. подгот. В. В. Кучма. – СПб. : Алетей, 2004. – 265 с.
4. Сыркин, А. Я. Византийская эпическая поэма / А. Я. Сыркин // Дигенис Акрит. Византийская эпическая поэма / перевод, статьи и комментарии А. Я. Сыркина. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – С. 127–163.
5. Тактика Льва / изд. подгот. В. В. Кучма ; отв. ред. Н. Д. Барабанов. – СПб. : Алетей, 2012. – 368 с.
6. Anderson, J. The Decoration of the Sevastokratorissa's Tent / J. Anderson, M. Jeffreys // Byzantion. – 1994. – № 64. – P. 8–18.

7. Angold, M. Introduction / M. Andold // *The Byzantine Aristocracy, IX to XIII Centuries.* – Oxford : B.A.R., 1984. – P. 1–9.
8. Bartusis, M. C. *The Late Byzantine Army : Arms and Society, 1204–1453* / M. C. Bartusis. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1992. – 464 p.
9. Casey, D. *The Captive Woman's Lament in Greek Tragedy* / D. Casey. – Austin : University of Texas Press, 2006. – 190 p.
10. Conway-Jones, A. *Gregory of Nyssa's Tabernacle Imagery in Its Jewish and Christian Contexts* / A. Conway-Jones. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 320 p.
11. Couprie, D. L. *Heaven and Earth in Ancient Greek Cosmology. From Thales to Heraclides Ponticus* / D. L. Couprie. – New York : Springer, 2011. – 296 p.
12. Davies, J. *Death, Burial and Rebirth in the Religions of Antiquity* / J. Davies. – New York : Routledge 1999. – 246 p.
13. Dawson, T. *Byzantine Infantryman : Eastern Roman Empire c. 900–1204* / T. Dawson. – Oxford : Osprey Publishing, 2007. – 66 p.
14. Dawson, T. *European Tents* / T. Dawson // *The Varangian Voice.* – 1996. – Iss. 38 (February). – P. 22–24.
15. De Vries-van der Velden, E. *L'élite byzantine devant l'avance turque à l'époque de la guerre civile de 1341 à 1354* / E. De Vries-Van Der Velden. – Amsterdam : J. C. Gieben, 1989. – 296 p.
16. Dieterich, A. *Mutter Erde : Ein Versuch über Volksreligion* / A. Dieterich. – Leipzig : B.G. Teubner, 1913. – 138 S.
17. Du Boulay, J. *The Greek Vampire : A Study of Cyclic Symbolism in Marriage and Death* / J. Du Boulay // *Man. New Series.* – 1982. – Vol. 17, iss. 2. – P. 219–238.
18. El-Aswad, el-Sayed. *Religion and Folk Cosmology Scenarios of the Visible and Invisible in Rural Egypt* / El-Sayed el-Aswad. – Westport : Praeger, 2002. – 224 p.
19. Engberg-Pedersen, T. *Cosmology and Self in the Apostle Paul : The Material Spirit* / T. Engberg-Pedersen. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 287 p.
20. George, M. K. *Israel's Tabernacle as Social Space* / M. K. George. – Atlanta : Society of Biblical Literature, 2009. – 284 p.
21. Helge, K. *Conceptions of Cosmos : From Myths to the Accelerating Universe : A History of Cosmology* / K. Helge. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 288 p.
22. Kyriakidis, S. *Warfare in Late Byzantium, 1204–1453* / S. Kyriakidis. – Leiden : Brill, 2011. – 272 p.
23. Laansma, J. *The Cosmology of Hebrews* / J. Laansma // *Cosmology and New Testament Theology* / ed J. T. Pennington, S. M. McDonough. – Norfolk : T&T Clark, 2008. – P. 125–143.
24. Lawson, J. C. *Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion : A Study in Survivals* / J. C. Lawson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1910 (Kessinger Publishing, 2003). – 664 p.
25. McCormick, M. *Byzantium on the Move : Imagining a Communications History* / M. McCormick // *Travel in the Byzantine World. Papers from the Thirty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, April 2000* / ed. R. Macrides. – Cornwall : Ashgate Publishing Limited, 2002. – P. 3–29.
26. Mullett, M. *Performing Court Literature in Medieval Byzantium : Tales Told in Tents* // *In the Presence of Power Court and Performance in the Pre-Modern Middle East* / ed. M. A. Pomerantz, E. Birge Vitz. – New York : New York University Press, 2017. – P. 121–141.
27. Mullett, M. *Tented Ceremony: Ephemeral Performances under the Komnenoi* / M. Mullett // *Court Ceremonies and Rituals of Power in Byzantium and the Medieval Mediterranean : Comparative Perspectives* / ed. A. Beihammer, S. Constantinou, M. Parani. – Leiden : Brill, 2013. – P. 487–513.
28. Nicetae Choniatae. *Orationes et Epistulae* / ed. I. van Dielen. – Berlin : De Gruyter, 1972. – 303 p.
29. Origen *Homilies on Genesis and Exodus* / transl. R. E. Heine. – Washington : The Catholic University of America Press, 1982. – 422 p.
30. *Philo in Ten Volumes (and Two Supplementary Volumes). Vol. VI* / trans. F. H. Colson. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1985. – 581 p.
31. Saunier, G. *Charos et l'Histoire dans les chansons populaires grecques* / G. Saunier // *Revue des études grecques.* – 1982. – Vol. 95, № 452. – P. 297–321.
32. Schenck, K. L. *Cosmology and Eschatology in Hebrews : The Settings of the Sacrifice* / K. L. Schenck. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 234 p.
33. Waser, O. *Charon, Charun, Charos. Mythologisch-archäologische Monographie* / O. Waser. – Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1898. – 158 S.
34. Wyatt, N. *The Mythic Mind : Essays on Cosmology and Religion in Ugaritic and Old Testament Literature* / N. Wyatt. – London : Routledge, 2005. – 303 p.
35. Πολίτης, Ν. Γ. *Ἀκριτικά ἄσματα. Ὁ θάνατος τοῦ Διγενῆ* / Ν. Γ. Πολίτου // *Λαογραφία.* – 1909. – Τ. 1. – Σ. 169–275.
36. *Τραγούδια ρωμαίικα = Popularia carmina Graeciae recentioris* / ed. A. Passow. – Lipsiae : B.G. Teubner, 1860. – 650 σ.

37. Ψυχογιού, Ε. Μαύρη γη και Ελένη : Τελετουργίες θανάτου και αναγέννησης : Χθόνια μυθολογικά, νεκρικά δρώμενα και μοιρολόγια στη σύγχρονη Ελλάδα / Ε. Ψυχογιού. – Αθήνα : Ακαδημία Αθηνών, 2008. – 532 σ.

REFERENCES

1. Boytsov M.A. Papskiy zontik, bog Gelios i sudby Rossii [Papal Umbrella, God Helios and the Fate of Russia]. *Kazus: Individualnoye i unikalnoye v istorii* [Case: Individual and Unique in History], 2004, no. 6, pp. 99-154.
2. Syrkin A.Ya., ed. *Digenis Akrit. Vizantiyskaya epicheskaya poema* [Digenis Akrit. Byzantine Epic Poem]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. 219 p.
3. Kuchma V.V. *Strategikon Mavrikiya* [Strategikon of Mauricius]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2004. 265 p.
4. Syrkin A.Ya. *Vizantiyskaya epicheskaya poema* [Byzantine Epic Poem]. Syrkin A.Ya., ed. *Digenis Akrit. Vizantiyskaya epicheskaya poema* [Digenis Akrites. Byzantine Epic Poem]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960, pp. 127-163.
5. Kuchma V.V., Barabanov N.D., eds. *Taktika Lva* [The Taktika of Leo]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2012. 368 p.
6. Anderson J., Jeffreys M. The Decoration of the Sevastokratorissa's Tent. *Byzantion*, 1994, no. 64, pp. 8-18.
7. Angold M. Introduction. *The Byzantine Aristocracy, IX to XIII Centuries*. Oxford, B.A.R., 1984, pp. 1-9.
8. Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1992. 464 p.
9. Casey D. *The Captive Woman's Lament in Greek Tragedy*. Austin, University of Texas Press, 2006. 190 p.
10. Conway-Jones A. *Gregory of Nyssa's Tabernacle Imagery in Its Jewish and Christian Contexts*. Oxford, Oxford University Press, 2014. 320 p.
11. Couprie D. L. *Heaven and Earth in Ancient Greek Cosmology. From Thales to Heraclides Ponticus*. New York, Springer, 2011. 296 p.
12. Davies J. *Death, Burial and Rebirth in the Religions of Antiquity*. New York, Routledge 1999. 246 p.
13. Dawson, T. *Byzantine Infantryman: Eastern Roman Empire c. 900–1204*. Oxford, Osprey Publishing, 2007. 66 p.
14. Dawson T. European Tents. *The Varangian Voice*, 1996, iss. 38 (February), pp. 22-24.
15. De Vries-van der Velden E. *L'élite byzantine devant l'avance turque à l'époque de la guerre civile de 1341 à 1354*. Amsterdam, J.C. Gieben, 1989. 296 p.
16. Dieterich, A. *Mutter Erde: Ein Versuch über Volksreligion*. Leipzig, B.G. Teubner, 1913. 138 p.
17. Du Boulay J. The Greek Vampire: A Study of Cyclic Symbolism in Marriage and Death. *Man. New Series*, 1982, vol. 17, iss. 2, pp. 219-238.
18. El-Aswad el-Sayed. *Religion and Folk Cosmology Scenarios of the Visible and Invisible in Rural Egypt*. Wesport, Praeger, 2002. 224 p.
19. Engberg-Pedersen T. *Cosmology and Self in the Apostle Paul: The Material Spirit*. Oxford, Oxford University Press, 2010. 287 p.
20. George M.K. *Israel's Tabernacle as Social Space*. Atlanta, Society of Biblical Literature, 2009. 284 p.
21. Helge K. *Conceptions of Cosmos: From Myths to the Accelerating Universe: A History of Cosmology*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 288 p.
22. Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium, 1204–1453*. Leiden, Brill, 2011. 272 p.
23. Laansma J. The Cosmology of Hebrews. Pennington J.T., McDonough S.M., eds. *Cosmology and New Testament Theology*. Norfolk, T&T Clark, 2008, pp. 125-143.
24. Lawson J.C. *Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion: A Study in Survivals*. Cambridge, Cambridge University Press, 1910 (Kessinger Publishing, 2003). 664 p.
25. McCormick M. Byzantium on the Move: Imagining a Communications History. Macrides R., ed. *Travel in the Byzantine World. Papers from the Thirty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, April 2000*. Cornwall, Ashgate Publishing Limited, 2002, pp. 3-29.
26. Mullett M. Performing Court Literature in Medieval Byzantium: Tales Told in Tents. Pomerantz M.A., Birge Vitz E., eds. *In the Presence of Power Court and Performance in the Pre-Modern Middle East*. New York, New York University Press, 2017, pp. 121-141.
27. Mullett M. Tented Ceremony: Ephemeral Performances under the Komnenoi. Beihammer A., Constantinou S., Parani M. *Court Ceremonies and Rituals of Power in Byzantium and the Medieval Mediterranean: Comparative Perspectives*. Leiden, Brill, 2013, pp. 487-513.
28. Dieten I. van., ed. *Nicetae Choniatae. Orationes et Epistulae*. Berlin, De Gruyter, 1972. 303 p.
29. Heine R.E., ed. *Origen Homilies on Genesis and Exodus*. Washington, The Catholic University of America Press, 1982. 422 p.
30. Colson F.H., ed. *Philo in Ten Volumes (and Two Supplementary Volumes)*. Vol. VI. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1985. 581 p.

31. Saunier G. Charos et l'Histoire dans les chansons populaires grecques. *Revue des études grecques*, 1982, vol. 95, no. 452, pp. 297-321.

32. Schenck K.L. *Cosmology and Eschatology in Hebrews: The Settings of the Sacrifice*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 234 p.

33. Waser O. *Charon, Charun, Charos. Mythologisch-archäologische Monographie*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1898. 158 p.

34. Wyatt N. *The Mythic Mind: Essays on Cosmology and Religion in Ugaritic and Old Testament Literature*. London, Routledge, 2005. 303 p.

35. Politis N.G. Akritika asmata. O thanatos tou Digenē [Acritic Songs. The Death of Digenis]. *Laographia* [Laographia], 1909, vol. 1, pp. 169-275.

36. Passow A., ed. *Tragoudia romaiika = Popularia carmina Graeciae recentioris*. Lipsiae, B.G. Teubner, 1860. 650 p.

37. Psychogiou E. *Maurē gē kai Elenē: teletourgies thanatou kai anagennēsēs: chthonia mythologika, nekrika drōmena kai moirologia stē sygchronē Ellada* [Black Earth and Helen: Rituals of Death and Rebirth: Chthonian Mythology, Funerary Events and Dirges in Modern Greece]. Athens, Akadēmia Athēnōn Publ., 2008. 532 p.

Information About the Author

Evgeny V. Stelnik, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

Информация об авторе

Евгений Викторович Стельник, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>